

© 2011 г.

А.А. АЙВАЗЯН

ЕГИПЕТСКИЙ ВОПРОС ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В 1880-е годы

На протяжении всего XIX столетия Северная Африка занимала важное место в политике великих европейских держав. Конкуренция за экономическое и политическое доминирование в странах Магриба и Египте часто принимала ожесточенный характер. Франция, Великобритания, Италия, а также Германия и Россия, руководствуясь торговыми и стратегическими интересами, стремились укрепить свое влияние в регионе. Сегодня мы являемся очевидцами событий, которые еще раз напомнили миру о том, какую существенную роль играют Северная Африка и Ближний Восток в мировой политике. Уже свершившиеся так называемые “арабские революции”, а также продолжающиеся волнения и демонстрации не только меняют само лицо региона, но и оказывают влияние на ситуацию во всем мире. Стратегическое и экономическое значение Северной Африки не вызывает сейчас никаких сомнений. В связи с этим тем более интересно обратиться к тому периоду, когда “битва за Африку” только начиналась, а именно к 1880-м годам.

Несмотря на то, что европейские колонизаторы пришли в Африку задолго до последней трети XIX в., именно на это время приходится наиболее ожесточенное соперничество держав за свободные земли Черного континента. Традиционно являвшаяся причиной англо-французской конкуренции, теперь Африка стала объектом внимания таких стран, как Италия и Германия. Здесь был сосредоточен целый комплекс стратегических, торгово-экономических и культурных интересов великих держав. В основе “битвы за Африку” лежало соперничество ряда европейских государств за политическое, экономическое и культурное доминирование в Египте, или египетский вопрос¹.

Дипломатическая деятельность держав в Египте не раз становилась темой исследований. В частности, большой вклад в изучение египетского вопроса внесли советские историки Ф.А. Ротштейн, Г.А. Нерсесов, Х.И. Кильберг². Отдельные эпизоды соперничества держав в Египте были освещены в работах В.А. Субботина, Н.А. Ерофеева, К.Б. Виноградова, П.П. Черкасова, В.М. Хвостова, И.Д. Парфенова и Е.В. Морозова³.

Айвазян Анна Арменовна – аспирантка кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

¹ *Robinson R., Gallagher J.* Africa and the Victorians: Official Mind of Imperialism. London, 1961.

² *Кильберг Х.И.* Восстание Араби-паши в Египте. М. – Л., 1937; *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. М., 1959; *Нерсесов Г.А.* Дипломатическая история египетского кризиса, 1881–1882 гг. М., 1979.

³ *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии: 1815–1917 гг. М., 1959; *Субботин В.А.* Политика французского империализма в Фашодском кризисе 1898 г. М., 1953 (автореф. канд. дисс.); *его же.* Французская колониальная экспансия в конце XIX в. М., 1962; *его же.* Англо-французское столкновение в Фашоде в 1898 г. – Африканский сборник. М., 1963. История дипломатии, т.

Исследованием истории египетского вопроса занимались многие западные ученые⁴.

Несмотря на изученность взаимоотношений великих держав в Египте в указанный период, позиция Франции по египетскому вопросу еще ни разу не становилась предметом комплексного и детального изучения.

Данная статья базируется на анализе различных источников, в частности дипломатических документов, а также материалов прессы и публицистики. Особо следует отметить документы Дипломатического архива Франции (Архива Кэ д'Орсэ), ряд из которых впервые используется в отечественном исследовании, а также материалы Архива внешней политики Российской империи.

Основываясь на критическом изучении указанных источников, попытаемся исследовать место египетского вопроса во внешнеполитическом курсе Франции в 1880-е годы, обращая внимание не только на перипетии англо-французского соперничества в стране фараонов, но также на роль египетского вопроса в отношениях Франции с Германией, Италией, Россией и его тесную связь с проблемой панисламистского движения и африканской политики Порты в конце XIX столетия. Особое место в исследовании уделяется реакции французской дипломатии на события 1882 г. – восстание в Египте под руководством Араби-паши и британскую оккупацию страны, существенно изменивших как само положение Египта, так и статус египетского вопроса на международной арене. Небывалый подъем национально-освободительного движения египетского народа стал причиной сначала дипломатического кризиса, разразившегося в начале 1882 г., а потом и военного вмешательства со стороны Великобритании. Напряженность в Северной Африке, связанная с возможностью подъема панисламистских и националистических настроений во французских подконтрольных территориях, Алжире и Тунисе, после 1882 г. еще более обострилась.

Сложность исследуемого периода объясняется также тем, что одновременно с активной колониальной экспансией в международных отношениях конца столетия происходил еще один важный процесс: в 1880-е годы стали обозначаться контуры новой перегруппировки сил в Европе, что выразилось в создании военно-политических блоков.

Таким образом, особенность политики великих держав последней четверти XIX в. заключалась в том, что им необходимо было заботиться одновременно о безопасности как своих европейских границ, так и заморских владений. В связи с этим следует отметить то затруднительное положение, в котором находилась в 1880-е годы Третья республика. После войны 1870–1871 гг. французская дипломатия пребывала в состоянии перманентного ожидания агрессии со стороны Германии, что определяло ее особое отношение к проблеме безопасности на континенте. С другой стороны, Франция к тому времени управляла довольно обширной колониальной империей. Наравне с Великобританией она была одним из наиболее активных участников империалистической гонки в Африке.

2. М., 1963; *Черкасов П.П.* Судьба империи. М., 1983; *Парфенов И.Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. М., 1991; *Виноградов К.Б.* На пути к Фашодскому кризису – Новая и новейшая история, 1998, № 5; *Морозов Е.В.* Путь к Антанте. Англо-французское колониальное соперничество в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008.

⁴ *Langer W.* The Diplomacy of Imperialism, v. 1. London, 1935; *Blet H.* France d'outre mer. Paris, 1950; *Landes D.* Bankers and Pachas: International Finance and Economic Imperialism in Egypt. Harvard, 1958; *Robinson R., Gallagher J.* Op. cit.; *Sanderson G.N.* England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh, 1965; *Tignor R.* Modernization and British Colonial Rule in Egypt, 1882–1914. Princeton, 1966; *Guillen P.* L'expansion. Paris, 1984; *Bonin H.* Suez: du canal à la finance (1858–1987). Paris, 1987; *Milza P., Poidevin R.* La Puissance française à la Belle Epoque: Mythe ou Réalité? Paris, 1992; *Saul S.* La France et l'Égypte de 1882 à 1914: Intérêts économiques et implications politiques. Paris, 1997.

Обстоятельства зарождения египетского вопроса вплоть до сегодняшнего дня остаются предметом дискуссий в среде историков. Так как вплоть до начала Первой мировой войны Египет находился под сюзеренитетом Порты⁵, долгое время египетский вопрос рассматривался как один из аспектов более обширного Восточного вопроса, связанного с соперничеством держав за влияние в Османской империи и борьбой христианских народов, находившихся под турецким игом, за свободу и независимость. Проникновение европейских держав в Египет, а также его превращение в объект международной конкуренции происходило постепенно на протяжении первой половины XIX в. Еще в 1798 г. Наполеон организовал экспедицию, целью которой был захват Египта. Однако поражение при Абукире, где 1–2 августа 1798 г. произошло решающее сражение между английским и французским флотами, помешало осуществлению его планов. В 1830–1840-е годы Египет не переставал занимать мысли европейских дипломатов. Активное участие Запада в так называемых “египетских кризисах”, вызванных завоевательными походами Мухаммада-Али и его противостоянием с Портой, наглядно продемонстрировало тот конфликтный потенциал, который содержало в себе соперничество за регион. Французский министр иностранных дел Ш. Фрейсине в работе, посвященной истории египетского вопроса, отмечал, что уже тогда в Египте шла “мирная борьба” между великими державами за коммерческое влияние⁶.

Переломным моментом в истории взаимоотношений держав в Египте стало открытие Суэцкого канала. Теперь по территории страны проходил чрезвычайно важный стратегический путь. Известно, что канал был торжественно открыт в 1869 г. по инициативе французского предпринимателя Ф. Лессепса⁷. Франция играла важную роль в египетской экономике⁸. Несмотря на то, что Компания Суэцкого канала, созданная Лессепсом, являлась частным предприятием, совершенно очевидно, что она была проводником французских интересов в Египте⁹. Кроме того, со времени создания Кассы египетского долга в 1876 г.¹⁰ именно французские держатели обладали наибольшим

⁵ Еще в 1517 г. в результате завоевания, осуществленного султаном Селимом I, Египет со всеми подчиненными ему землями стал частью Османской империи, а турецкий султан – его верховным правителем. В начале XIX в. Мухаммад-Али, возглавивший Египет в 1805 г., сумел добиться фактической независимости страны и захватил ряд земель, принадлежавших султану. Однако номинально власть над Египтом все еще находилась в руках Константинополя. В связи с этим любое вмешательство в египетские дела с формальной точки зрения являлось вмешательством во внутреннюю политику Османской империи.

⁶ *Freyssinet de Ch. La Question d’Egypte. Paris, 1904, p. 1.*

⁷ Еще специалисты, прибывшие в страну фараонов вместе с Наполеоном Бонапартом, предлагали прорыть канал, который разделит бы Египет и Синайский полуостров. Лишь эвакуация войск Наполеона не позволила им осуществить этот план. Однако сама идея продолжала вызывать у французов живой интерес. Так, в 1834 г. инженер Фурнель просил разрешения на строительство канала, но получил отказ Мухаммада-Али. Впрочем, через несколько лет Лессепсу удалось добиться согласия Саид-паши, египетского правителя (хедива) и своего личного друга. – *Marlowe J. A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations, 1800–1953. New York, 1954, p. 61.*

⁸ В 1880-е годы Франция владела 70, 9 % (390 тыс. фр. от общей стоимости 550 тыс. фр.) капиталов Компании Суэцкого канала, 50, 3 % средств различных коммерческих предприятий, а также 53,1 % внешнего египетского долга (1 250 тыс. фр. от общей стоимости 2 352 500 фр.). Фактически она контролировала 53, 6 % всей египетской экономики. – См. *Thobie J. La France Impériale, 1880–1914. Paris, 1982, p. 206.*

⁹ *Bonin H. Op. cit., p. 85.*

¹⁰ К началу 1870-х годов Египет фактически оказался в финансовом плену у европейских держав: долги хедива стали настолько велики, что в 1876 г. ему пришлось объявить о своем банкротстве. Через месяц была создана Касса египетского государственного долга, которая аккумулировала всю задолженность и должна была контролировать доходы, предназначенные для ее погашения. В Кассу сразу же вошли Франция, Англия, Австрия, Италия. В то же время над доходами и расходами Египта был установлен совместный англо-французский финансовый контроль, который просуществовал вплоть до 1882 г.

количеством акций. Добавим также, что важнейшими объектами французских инвестиций стали Компания земельного египетского кредита (*Le Crédit foncier égyptien*)¹¹ и Сахарные предприятия Египта (*Sucreries*). Как пишет историк С. Саул в исследовании, посвященном экономическим интересам Третьей республики в Египте, “вплоть до 1914 г. и даже вплоть до 1956 г. французские материальные интересы в Египте были более значительными, чем интересы оккупировавшей его страны”, т.е. Великобритании¹².

Египет имел для Франции и важное стратегическое значение. Со времени завоевания Алжира в 1830–1860-е годы французская политическая элита мечтала об основании североафриканской колониальной империи, а дипломатия всегда действовала с оглядкой на общую политическую ситуацию в Магрибе. Франция осуществляла в Египте и активную культурную экспансию. Практически все представители местной интеллигенции и политические лидеры страны обучались в привилегированных французских школах¹³. Еще одним инструментом французского влияния в стране стали многочисленные католические миссии, которые, несмотря на светский характер Третьей республики, считались весьма влиятельными в колониальных кругах и активно пропагандировали идею создания французской североафриканской империи¹⁴. Результатом культурной политики Франции стала “галлицизация” египетских правящих кругов. Таким образом, дипломатическая деятельность Франции в египетском вопросе определялась целым комплексом интересов, а также взаимоотношениями с другими европейскими державами по данной проблеме.

Восстание 1882 г., которое в египетской исторической науке принято называть революцией, и вызванные им последствия определили развитие Египта на несколько десятилетий вперед. Для того чтобы понять причины столь ширококомасштабного национально-освободительного движения, необходимо обратиться к его истокам, своими корнями уходящим во вторую половину 1870-х годов. В это время, несмотря на существовавшую на протяжении многих лет конкуренцию, Британия и Франция сумели создать своеобразный кондоминиум в египетских финансовых делах с целью обеспечить безопасность европейского капитала. По обе стороны Ла-Манша говорили о существовании англо-французской Антанты, как современники часто называли сотрудничество двух держав в Египте.

Понятно, что установление совместного англо-французского финансового контроля, посредством которого западные страны оказывали серьезное давление на политику, проводимую хедивом (правителем Египта), враждебно воспринималось как местной правящей элитой, так и простым народом. К началу 1880-х годов хедив, потеряв власть экономическую, постепенно лишался и власти политической. Важнейшим лозунгом оппозиции был националистический лозунг: “Египет для египтян”, ставший результатом копившегося на протяжении нескольких лет недовольства засильем иностранных банкиров, предпринимателей и дипломатов, контролировавших всю финансовую систему страны и лоббирующих угодных им политических деятелей.

9 сентября 1881 г. началось восстание офицеров египетской армии под руководством полковника Араби. Это была не первая попытка офицеров противостоять сложившемуся режиму. Еще в начале 1881 г. европейские посланники в своих сообщениях писали о волнениях среди офицеров и общем недовольстве, царившем в военных кругах. Именно в египетской армии, реорганизованной еще Мухаммадом-Али

¹¹ Земельный кредит стал первым финансовым предприятием Египта и вторым по величине после Компании Суэцкого канала. Наиболее значительные капиталовложения поступали от парижских банков и французских дипломатических кругов, для которых “это было выгодным делом и источником общего влияния” в стране. – *Saul S. Op. cit.*, p. 295.

¹² *Ibid.*, p. XV (Introduction).

¹³ *Goldschmidt A. A Concise History of the Middle East.* Boulder, 1999, p. 140.

¹⁴ *Girardet R. L'idée coloniale en France de 1871 à 1962.* Paris, 1972, p. 62.

по европейскому образцу¹⁵, появилась та часть вестернизированной интеллигенции, которая, основываясь на европейских идеалах национальной свободы и суверенитета, требовала независимости от Запада.

К сентябрю 1881 г. Араби и его сторонников поддерживала значительная часть населения. Как отмечают исследователи, восстание “было не только путчем группы недовольных офицеров... это было движение с широкой массовой поддержкой, основанное на народном протесте против подчинения египетского истеблишмента и хедива иностранцам и неверным”¹⁶. В этой ситуации хедив был вынужден пойти на уступки офицерам, в частности сформировав новый кабинет министров, где важнейшие посты заняли египетские патриоты, т.е. сторонники полковника Араби. Разумеется, они не собирались мириться с европейским контролем, который практически полностью был ликвидирован к началу 1882 г.

Запад, как писал англичанин А. Милнер, видел в “движении Араби великую разрушительную силу”¹⁷. Европу волновала возможная угроза блокады Суэцкого канала, что стало бы ударом не только по экономическим интересам западных держав, для которых Суэц являлся одним из важнейших торговых путей, но и по стратегическим, имевшим еще более существенное значение. Как писали французские публицисты, “Египет – это Суэц, Суэц – это Индия, а Индия – это Англия”¹⁸. Кратчайший путь в Индию через Суэц был чрезвычайно важен для Британии. Впрочем, для Франции установление враждебного Западу националистического режима представляло собой не меньшую угрозу. Безопасность Алжира и Туниса, в который Франция только что ввела свои войска, была для Третьей республики одной из серьезнейших внешнеполитических забот.

Обе державы преследовали в Египте одну и ту же цель – не допустить к власти националистический, антагонистичный Западу режим. Французская дипломатия предпринимала шаги, чтобы скрепить англо-французское согласие по египетскому вопросу. В начале 1882 г. лондонская “Таймс” писала, что большой вклад в развитие англо-французского сотрудничества в Египте внес глава французского правительства и Кэ д’Орсэ Л. Гамбетта, который считал совместное выступление двух держав “не только необходимым, но и выгодным” и призывал к немедленным действиям по усмирению восставших¹⁹. В британской прессе о Франции и Англии говорили как о державах, “защищающих Египет” и, соответственно, занимающих особое положение в этой стране. “Таймс” утверждала, что британское правительство готово применить силу к восставшим исключительно вместе с Францией²⁰.

Относительно стремления англичан перейти к решительным шагам в Египте, в частности к его оккупации, до сих пор идут споры. Очевидно, что правительство У. Гладстона не спешило с активными действиями. Это было вызвано серьезными разногласиями в среде британской правящей элиты. Лорд Гренвилль, глава Форин оффис, писал лорду Лиону, английскому послу в Париже, в январе 1882 г.: “Правительство Ее Величества имеет серьезные возражения относительно того, чтобы оккупировать собственно Египет. Эта оккупация вызовет протест как в Египте, так и в Турции; она возбудит подозрение и зависть у других европейских держав, которые, как считает правительство Ее Величества, предпримут контрдемонстрации... с другой стороны, единоличная акция накладывает обязательство управлять в условиях, очень неблагоприятных для восточной страны”²¹. В самом деле, односторонние действия грозили любой европейской державе, которая вмешалась бы в египетские дела, большими про-

¹⁵ Gann L.H., Duignan P. The Middle East and North Africa. Stanford, 1981, p. 19.

¹⁶ Sanderson G.N. Op. cit., p. 14.

¹⁷ Milner A. England in Egypt. London, 1926, p. 15.

¹⁸ Bonin H. Op. cit., p. 85.

¹⁹ The Times, 4.I.1882.

²⁰ Ibidem.

²¹ Documents Diplomatiques Français (далее – DDF), série 1, t. 4, doc. 242.

блемами как в отношениях с другими заинтересованными странами, так и с экономической точки зрения: военная интервенция требовала серьезного бюджета, не говоря уже о том, что было совершенно непонятно, на какой период времени следовало вводить войска.

Французская дипломатия воспринимала колебания англичан скорее как хитрый ход с целью замаскировать подготовку к единоличной оккупации. В послании, адресованном французскому послу в Лондоне Ш. Тиссо, Гамбетта выражал обеспокоенность по поводу некоторой сдержанности англичан в вопросах ведения общей политики в Египте²². В свою очередь Тиссо писал министру иностранных дел, что “Англия намерена действовать одна в случае, если взрыв анархии поставит под угрозу ее интересы”²³. Подобные сообщения приходили в Париж на протяжении всей весны и лета. В одной из своих депеш в мае 1882 г. Тиссо писал: “Англия намерена действовать без нас. Она пришла к консенсусу с Германией и другими державами и делается мандатарием Европы”²⁴. О том, что французское видение данной проблемы не совсем соответствовало действительности, свидетельствует отрывок из письма Гладстона, адресованного лорду Гренвиллю: “Чем больше я думаю, тем больше склоняюсь к мысли, что мы не подготовлены к принятию каких-либо мер относительно Египта, как в сотрудничестве с французами, так и без них”²⁵.

В Париже были готовы к тому, что, если возникнет угроза блокады Суэца, у Британии не останется иного выхода, как вмешаться. При этом именно главы внешнеполитического ведомства – Л. Гамбетта, а затем и Ш. Фрейсине – призывали Англию к интервенции, хотя и знали о царивших в палате депутатов настроениях по поводу Египта. Против военного вмешательства Франции выступали представители самых различных политических течений – от радикалов до монархистов²⁶. Основную оппозицию в парламенте составляли депутаты от правого крыла, в частности, особую активность проявлял Ж. Делаффос. Это были те же самые депутаты, которые выступали против ассигнования 6 млн. фр. на операцию в Тунисе, однако тогда им не удалось помешать завоеванию²⁷. Когда же был поднят вопрос о предоставлении средств на посылку войск в Египет, Фрейсине не смог отстоять позицию Кэ д’Орсэ. Коренное различие этих двух операций заключалось в том, что первая была преподнесена как поход с целью защиты границ Алжира, важнейшей французской колонии в Африке, от нападений со стороны воинственного тунисского племени. Разумеется, это был всего лишь предлог, однако ни один из депутатов не мог выступить против обеспечения безопасности французского владения²⁸. Что же касается Египта, то непосредственной угрозы французским территориям фактически не существовало, а кроме того, серьезные суммы уже были затрачены на тунисскую операцию. Поэтому не удивительно, что требование департамента по делам колоний о выделении 9,5 млн. фр. было отклонено²⁹.

Почему же французская дипломатия все-таки склоняла Британию к совместной интервенции? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к другому аспекту проблемы, фактически определившему поведение и позицию Третьей республики в период египетского кризиса, а именно – к возможности турецкой оккупации

²² Archives Diplomatiques Françaises (далее – ADF), Correspondances politiques, Angleterre, 1882, № 794, p. 26.

²³ Ibid., p. 31.

²⁴ Ibid., № 795, p. 229.

²⁵ DDF, série 1, t. 4, doc. 250.

²⁶ *Нерсесов Г.А.* Указ. соч., с. 110.

²⁷ France. Débats parlementaires. *Annales de la Chambre des Députés.* Session ordinaire de 1881, t. 1 (du 11 Janvier au 12 Avril), p. 812.

²⁸ Ibid., p. 809.

²⁹ Ibid., Session ordinaire de 1882, t. 2, p. 1062.

Египта, которую французская дипломатия воспринимала как вполне реальный сценарий развития событий.

Как отмечалось выше, Египет лишь номинально находился под властью Порты. Еще со времен Мухаммада-Али Турция не делала каких-либо серьезных попыток вернуть себе контроль над Египтом. Однако в 1880-е годы турецкая внешняя политика претерпела существенные изменения. Во многом это было связано с тем, что турецкий султан Абдул-Хамид II вынашивал экспансионистские планы относительно Северной Африки. Одним из инструментов для возрождения турецкого влияния в Магрибе и Египте стало так называемое панисламистское движение.

Зародившись в конце 1870-х годов в Центральной Азии, панисламистское движение ставило своей задачей оказывать сопротивление англичанам в Афганистане и Индии и русским в Туркестане. Первоначально движение возглавлял хан Коканда Худайяр, “объявивший джихад против англичан и русских”³⁰. Представители движения причисляли к своим врагам и султана Абдул-Хамида, верховного халифа и духовного главу мусульманского мира, и были настроены весьма “враждебно по отношению к турецкому владычеству”³¹. В свою очередь Абдул-Хамид мудро решил, что единственный выход обезопасить халифат в Константинополе³² от нападок панисламистского движения – это возглавить его. Для этого нужно было сплотить мусульманский мир против главного врага – Запада, осуществлявшего активную экспансию. Несмотря на ослабление Османской империи в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также финансовую зависимость от европейских держав, Абдул-Хамид стремился к проведению активной политики в Северной Африке, в частности, используя религиозный фактор и неприязнь местного населения к европейским колонизаторам. Известно, что в разговоре с французским представителем в Египте де Раном, султан даже заметил, что “Африка должна стать для него компенсацией потери самых лучших европейских провинций”³³.

У Парижа были все основания полагать, что теперь турецкий султан хочет воспользоваться сложившейся ситуацией и превратить номинальный контроль в реальный. Установление его власти над Египтом, разумеется, было невыгодно европейским державам как с точки зрения экономической (потеря контроля над финансами Египта), так и стратегической (доминирование Турции в зоне Суэца). Кроме того, переход одной из крупнейших арабских стран Африки под контроль Турции стал бы первым шагом на пути к подъему панисламистского движения, и это вызывало серьезные тревоги на Кэ д’Орсэ. Руководствуясь подобными соображениями, посол Франции в Лондоне П. Шалемель-Лекур писал, что “державы будут недовольны и встревожены, если задача восстановления порядка в Египте будет возложена на Турцию”³⁴.

³⁰ *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи: османизм – панисламизм. М., 1985, с. 135.

³¹ *Leroux E.* La Question Egyptienne. Paris, 1881, p. 4.

³² История халифата уходит своими корнями в VII в., когда после смерти пророка Мухаммада исламский мир возглавляли по очереди четыре так называемых “праведных халифа”. В то время халифат был понятием территориальным: так обозначали созданное в результате мусульманских завоеваний огромное государство, включавшее Аравийский п-ов, Египет, Магриб, Сирию, Палестину, Иран, Ирак, Среднюю Азию и большую часть Закавказья. Просуществовав несколько веков, государство стало постепенно распадаться, однако халиф сохранил за собой верховную духовную власть над исламским миром. Долгое время халифы находились в Египте, при египетских правителях – мамлюках. Однако султан Селим в XVI в. заставил последнего халифа отречься в свою пользу, после чего халифами стали считаться турецкие султаны. Проблема легитимности османского халифата стала объектом бурных дискуссий в среде таких авторитетных русских и советских исследователей, как В.В. Бартольд, В.Д. Смирнов, В.А. Гордлевский, А.С. Тверитинова.

³³ ADF, Angleterre, 1882, № 794, p. 38.

³⁴ Ibidem.

Тактика султана представляла серьезную опасность для французской дипломатии, в особенности, если вспомнить, что в 1881 г. Третья республика оккупировала Тунис, с правовой точки зрения, являвшийся, как и Египет, частью обширной Османской империи³⁵. Захват Туниса французами произошел во многом благодаря попустительству Англии. Последняя в лице министра иностранных дел лорда Гренвилля ясно дала понять, что не станет препятствовать французам в Тунисе³⁶. Как отмечал советский историк А.З. Манфред, “английское правительство было готово показать себя снисходительным и терпеливым в вопросе Туниса, так как через день после завершения тунисской операции оно рассчитывало разыграть начатую ранее большую игру в Египте и считало неразумным раньше времени восстанавливать Францию против себя”³⁷. Хотя решимость Англии в вопросе оккупации Египта вызывает некоторые сомнения, можно предположить, что английское руководство надеялось на то, что Франция не станет мешать английским планам, какими бы они ни были.

Завоевание Туниса вернуло Францию на мировую арену в качестве активного игрока, однако существенно испортило ее отношения с Турцией. Установление французского доминирования над Тунисом явилось наглядным примером экспансионизма Запада, против которого и были направлены идеи панисламистского движения, и всякая агрессия со стороны европейских держав только укрепляла авторитет султана в арабском мире. Как отмечал источник, близкий к Абдул-Хамиду, “события в Тунисе произвели весьма благополучный результат, так как теперь симпатии арабского народа принадлежат полностью Его Величеству”³⁸.

Что же касается Египта, то, по мнению французского публициста Э. Леру, основным стремлением Абдул-Хамида было “установление над ним безоговорочной власти” и “присоединение его к панисламистскому движению”³⁹. Публицист утверждал, что намерения султана были “чем-то большим, чем деятельность по увеличению престижа, это было практически новым завоеванием”⁴⁰. Как отмечают современные специалисты по истории Османской империи, “султан прилагал немалые усилия, чтобы вернуть Египет и Тунис, мусульманские страны, под власть Стамбула”⁴¹. Стоит упомянуть также о том, что ходили слухи, будто Абдул-Хамид вынашивает планы о разделе Египта. Французский посол в Константинополе писал о проекте, который обсуждался султаном и его приближенными. Согласно этому плану, Египет должен был быть разделен на три вилайета: Нижний Египет переходил бы под власть Шериф-паши, Средний – оставлен хедиву Тевфику, а Верхним управлял бы ставленник Порты, который, однако, еще не был определен⁴². Сегодня сложно проверить достоверность существования подобного проекта, но очевидно другое: подобные слухи еще больше убеждали Францию в агрессивных намерениях Порты.

Если обратиться к реальной деятельности султана в период египетского кризиса, становится ясно, что опасения Парижа были далеко не беспочвенными. В частности, недовольство Запада вызвала так называемая миссия Дервиш-паши, одного из дипломатов султана, в Египет. Ее официальной целью было выяснение того, насколько критична ситуация в стране и возможно ли восстановить порядок мирным дипломати-

³⁵ По Бардосскому договору, заключенному 12 мая 1881 г. и подписанному тунисским беєм и французским генералом Бреаром, Тунис терял так называемый “внешний суверенитет” – право самостоятельно осуществлять сношения с другими государствами и подписывать с ними договоры. В 1883 г. была подписана Ла-Марсская конвенция, в которой впервые официально было употреблено слово “протекторат”, что фактически ставило страну в полную зависимость от Франции.

³⁶ DDF, série 1, t. 3, doc. 150.

³⁷ Манфред А.З. Внешняя политика Франции, 1871–1891. М., 1952, с. 279.

³⁸ Цит. по: Leroux E. Op. cit., p. 7.

³⁹ Ibid., p. 4.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Фадеева И.Л. Указ. соч., с. 144.

⁴² ADF, Turquie, 1882, № 451, p. 54–55.

ческим путем. Однако у Дервиш-паши имелись и секретные инструкции. Как отмечал египетский публицист и специалист по праву С. Камел, “идея султана якобы состояла в том, чтобы усилить власть хедива, а на самом деле – установить отношения Порты с революционной партией”⁴³. А специалист по истории Турции И.Л. Фадеева писала, что Дервиш-паша должен был даже вручить полковнику Араби “орден Меджидие первой степени” в знак поощрения со стороны Константинополя⁴⁴. Почему же турецкий султан благоволил мятежникам? Очевидно, Абдул-Хамиду импонировало намерение Араби упразднить саму должность хедива, что существенно облегчало задачу Порты. После того как законный хедив был бы смещен, а должность ликвидирована, султан остался бы единственным легитимным правителем страны и с легкостью мог бы претендовать на установление единоличной власти над Египтом. Не случайно при дворе ходили слухи о том, что Абдул-Хамид вынашивает идею полностью лишить наследников Мухаммада-Али власти и аннулировать все фирманы, закрепившие за Египтом ряд привилегий и обеспечившие ему независимость от Константинополя⁴⁵.

Еще до отправки миссии Дервиш-паши султан и глава турецкой дипломатии Саид-паша настойчиво советовали Франции и Англии сменить хедива⁴⁶. Фактически политика султана в Египте сводилась к тому, чтобы “получить максимум выгоды от борьбы двух сторон — хедива и военной партии, для того чтобы повысить свой авторитет в Египте и усилить престиж халифата в мусульманском мире”⁴⁷. Любопытно, что хедив, по всей видимости, не подозревавший о тайных связях султана с восставшими, по частным каналам настаивал на турецкой интервенции в Египет, чтобы “противостоять иностранному влиянию”⁴⁸. Новость о том, что хедив просил помощи у турецкого султана, подтверждала и британская газета “Таймс”⁴⁹.

Дипломатические маневры турецкого султана не принесли ощутимых результатов. Французский посол в Константинополе маркиз де Ноай, констатируя “провал миссии Дервиш-паши”, замечал, что это полностью “соответствует нашим интересам в Африке”⁵⁰. Несмотря на заверения Турции в том, что кризис уже позади и ситуацию можно урегулировать мирным путем, военная интервенция была неизбежна. Однако открытым оставался вопрос, кто же возьмет на себя обязанности по ее осуществлению.

24 июня 1882 г. по инициативе Франции была созвана конференция в Константинополе. По задумке англичан и французов, программным документом конференции стала их совместная нота от 11 февраля 1882 г., согласно которой Египет должен был выполнять свои многочисленные международные обязательства, в том числе по отношению к Франции и Великобритании. Таким образом, они собирались еще раз утвердить двойной англо-французский контроль над Египтом.

На конференции, проходившей в здании итальянского посольства, были представлены все страны, участвовавшие в Кассе египетского долга, а также Германия. Хотя представители держав собрались в турецкой столице, Порта отказалась принимать участие в работе конференции. Свою позицию Абдул-Хамид обосновывал тем, что “Египет не только составная часть империи, но ее сердце, часть наиболее важная в глазах мусульман”⁵¹. Если судьба Египта решится на конференции, организованной Францией и Англией, “это будет плохим примером для других провинций” и свиде-

⁴³ *Kamel S. La Conférence de Constantinople et la Question Egyptienne en 1882. Paris, 1913, p. 99.*

⁴⁴ *Фадеева И.Л. Указ. соч., с. 146.*

⁴⁵ *ADF, Turquie, 1882, № 451, p. 230.*

⁴⁶ *Ibid., p. 117.*

⁴⁷ *Kamel S. Op.cit., p. 89.*

⁴⁸ *Leroux E. Op. cit., p. 3.*

⁴⁹ *The Times, 12.IX.1881.*

⁵⁰ *ADF, Turquie, 1882, № 451, p. 233.*

⁵¹ *Ibid., p. 265–266.*

тельством того, что “Европа берет в свои руки решение вопроса, касающегося внутреннего управления одной из частей Империи”⁵². Известно, что султан даже предлагал французскому послу своего рода сделку: Франция должна была отказаться от проведения конференции, а взамен султан обещал сохранить все ее привилегии в Египте⁵³.

Как писал французский посол в Лондоне, Британия рассматривала четыре возможных варианта интервенции в Египет: “чисто английскую”, англо-французскую, англо-итало-французскую и европейскую⁵⁴. К сожалению, посол не уточнил, что понимали англичане под европейской интервенцией, но при этом отметил, что глава Форин оффис лорд Гренвилль предпочитал третий вариант с участием Италии.

Проблема привлечения Италии к делам Египта имела существенное значение для Кэ д’Орсэ. Еще Гамбетта серьезно беспокоился по поводу того, как бы глава Форин оффис, стремившийся “избежать видимости особого положения Англии и Франции в Египте”, не допустил или даже сам не спровоцировал интервенцию какой-либо другой державы⁵⁵. Без сомнения, французский министр намекал именно на Италию, чье вмешательство в египетские дела было крайне нежелательно для Парижа. Между тем один из французских дипломатов замечал, что Италия “умирает от желания осуществить военное вторжение в Египет”⁵⁶.

Отношения двух средиземноморских держав переживали в то время стадию кризиса. Введение французских войск в Тунис в 1881 г. крайне негативно встретили в Риме. Разрыв отношений между Парижем и Римом из-за Туниса стал одной из основных причин присоединения Италии к германо-австрийскому альянсу и формирования Тройственного союза в 1882 г. Приглашение Италии в качестве третьей державы для осуществления военной интервенции в Египет было со стороны Великобритании методом давления на Францию. Совершенно очевидно, что англичане пытались использовать противоречия двух держав в своих интересах⁵⁷. Возможное участие Италии в интервенции было желательно для Британии по двум причинам: с одной стороны, Италия выступала как своеобразный противовес Франции в Северной Африке, с другой стороны, чем больше держав участвовало бы в оккупации, тем менее значительными стали бы расходы самой Великобритании.

Подобное развитие событий явно не соответствовало интересам Кэ д’Орсэ, где считали, что в дела Египта имеют право вмешиваться лишь Англия и Франция. Впрочем, французы, говоря о законности и правах, не забывали и о Турции. Ни британцы, ни французы не желали одностороннего вмешательства Порты. При этом они находились в несколько шекотливом положении: лишь Турции принадлежало законное право на оккупацию Египта. Решение, принятое без согласия султана, не имело бы настоящей силы, поэтому присоединение представителя Порты к работе Константинопольской конференции было так важно для легитимизации англо-французских предложений.

Турция же продолжала протестовать против франко-английской интервенции⁵⁸. Когда стало известно, что объединенная эскадра двух стран направляется к Александрии, султан решил предложить Франции сделку. Он требовал, чтобы судам был послан приказ не останавливаться в порту Александрии, а следовать дальше “своей дорогой”. В таком случае “дружба Франции и Турции была бы вечной, и вопрос Туниса был бы немедленно решен”. На это французский посол ответил, что “тунисского вопроса не существует”⁵⁹, так как Турция фактически предлагает Франции то, что ей больше не принадлежит. Однако само предложение свидетельствовало о том, что Франция

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibid., № 796, p. 8.

⁵⁵ Ibid., № 794, p. 91.

⁵⁶ Ibid., № 796, p. 103.

⁵⁷ Ibid., № 795, p. 391.

⁵⁸ Ibid., № 451, p. 165.

⁵⁹ Ibid., p. 117.

на тот момент еще не до конца закрепились в Тунисе, а султан обладал существенным влиянием на настроения, царившие в стране. Не случайно, во время обсуждений египетского вопроса в палате депутатов некоторые представители правой оппозиции говорили о том, что Франция не может себе позволить “быть противником Турции... из-за ситуации в Африке” и поэтому должна отказаться от участия в египетском урегулировании⁶⁰.

Стало очевидно, что привлечь Порту к конференции можно было лишь одним способом – предложив ей самой осуществить интервенцию. Но сформулировать предложение следовало так, чтобы султан не мог его принять. Отказ султана послать свои войска давал бы карт-бланш Англии и Франции. Фрейсине выдвинул условие, чтобы турецкие войска, направляемые в Египет, находились под командованием хедива⁶¹, а в случае, если державы решат осуществить совместную интервенцию, турецкие отряды будут подчиняться приказам англо-французского командования. Абдул-Хамид должен был также обещать, что войска вводятся лишь для сохранения статус-кво в Египте и не позднее, чем через месяц, будут эвакуированы из страны⁶². Турецкие войска могли задержаться на более длительный срок лишь по просьбе самого хедива. Однако и здесь европейские державы не оставили султану лазейки, поставив обязательным условием согласие “концерта европейских держав” на продление срока оккупации. Султан ни в коем случае не пошел бы на принятие всех этих условий. Абдул-Хамид опасался предоставлять отряды Порты под командование европейских держав, считая, что это существенно “снизит его престиж и власть “султана-халифа”, которую он хотел распространить на арабский мир”⁶³. Впрочем, информация о том, что султан намеревается отправить отряды в Египет, продолжала поступать в Париж. Как отмечал французский дипломат из Перы, слухи о том, что Абдул-Хамид приказал снарядить экспедиционный корпус, распространялись им самим, чтобы “показать Европе и мусульманским народам его готовность сделать это”⁶⁴. Следует учитывать и другую точку зрения, согласно которой султан не хотел отправлять турецкие войска в Египет, пока Араби-паша не упряднит должность хедива. Тогда можно было бы окончательно “покончить с египетской автономией”⁶⁵.

В любом случае формально сделанное Турции предложение давало Европе возможность действовать далее по своему усмотрению. Важно отметить, что как англичане, так и французы не приветствовали панисламистскую деятельность Абдул-Хамида. Во влиятельной английской газете “Стэндард” прямо было заявлено, что самая важная цель, стоящая перед Англией и Францией, – это “помешать панисламистской политике султана”⁶⁶.

О том, что Франция последовательно отстаивала свою антитурецкую позицию, свидетельствуют и русские дипломатические документы. В разговоре с русским послом графом Орловым Фрейсине выразил уверенность в том, что “ни один из кабинетов серьезно не рассматривал турецкую оккупацию Египта”⁶⁷. Позже Фрейсине еще несколько раз возвращался к этой теме, заявляя, что “турецкая интервенция в Египет представляла бы большую угрозу для французских интересов в Африке”⁶⁸. Обращая внимание русского посла на возможное “возрождение мусульманского фанатизма”,

⁶⁰ France. Débats parlementaires. Annales de la Chambre des Députés. Session ordinaire de 1882, t. 1, p. 203.

⁶¹ ADF, Angleterre, 1882, № 795, p. 333.

⁶² Ibid., p. 273.

⁶³ Ibid., № 451, p. 411.

⁶⁴ Ibid., p. 84.

⁶⁵ *Фадеева И.Л.* Указ. соч., с. 146.

⁶⁶ ADF, Angleterre, 1882, № 794, p. 41.

⁶⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72, л. 111.

⁶⁸ Там же, л. 120.

Фрейсине заметил также, что “в таком случае египетский вопрос был бы уже вторичным”⁶⁹. Слова французского министра еще раз свидетельствуют о том, что для Франции египетский вопрос выходил за рамки узколокальной проблемы, приобретая региональный характер.

Россия, как и другие европейские державы, имела в Египте свои экономические и торговые интересы, связанные с Суэцким каналом. Безусловно, более значительную для нее, стратегическую роль Египет стал играть в 1890-е годы, когда обострились отношения великих держав на Дальнем Востоке. В 1880-е же годы российская дипломатия рассматривала египетский вопрос скорее как локальный спор между заинтересованными странами. Так, министр иностранных дел Н.К. Гирс писал графу Орлову в июне 1882 г.: “Что же касается нас, то мы не стали бы жаловаться, если бы сложности на Востоке были сконцентрированы в Африке, где наши интересы напрямую не затронуты”⁷⁰. Из этого следует, что России в некоторой степени была выгодна конфронтация держав в Египте, так как она отвлекала их от других проблем, и в первую очередь от Балкан, чрезвычайно важного для российской дипломатии региона.

Схожую позицию занимала и Германия, которая, с одной стороны, делала авансы турецкому руководству, а с другой – старалась сгладить англичан и французов. “Таймс” писала о Бисмарке, что, “какими бы заинтересованными ни были его взгляды, они имеют лишь отдаленное отношение к нынешней ситуации в Египте”⁷¹. В отличие от Франции или Англии, для Германии египетский вопрос играл не столь существенную роль. Однако германский канцлер принимал активное участие в обсуждении проблемы. В июне 1882 г. он убеждал французов, что им не стоит идти на совместную с англичанами интервенцию, потому что в итоге они все равно останутся в убытке, и настаивал на необходимости турецкой оккупации, а также предлагал “купить” Араби-пашу за “кругленькую сумму” и таким образом решить вопрос⁷². Не удивительно, что в процессе обсуждений по египетской проблеме Бисмарк так и не занял какой-либо определенной позиции, хотя и пытался утвердиться в роли международного арбитра.

Как и следовало ожидать, Константинопольская конференция не имела существенных результатов. В то же время ситуация в Египте приняла опасный для европейских держав характер. Хедив был отстранен от власти и бежал из Каира в Александрию. В самой Александрии происходили не менее серьезные волнения, чем в столице. В результате столкновений были убиты несколько сот человек, и среди них – европейские подданные. Генеральный консул Франции в Египте Сиенкевич писал Фрейсине, что, на его взгляд, “только сила может положить конец египетской проблеме”⁷³.

29 июля 1882 г. палата депутатов Франции 417 голосами против 75 отказала Фрейсине в просьбе об ассигнованиях, необходимых для осуществления интервенции в Египет. Большая часть депутатов опасалась того, что, сконцентрировав свои силы в Египте, Франция “сыграет на руку Бисмарку”⁷⁴. Германский канцлер, разумеется, пытался воспользоваться затруднительным положением, в которое попала французская дипломатия. По этому поводу посол Тиссо писал: “Толкая кабинет Лондона на тот путь, по которому мы не сможем следовать, он (Бисмарк. – А.А.) находит способ отдалить его от нас. Нынешняя благожелательность к нам не помешает ему воспользоваться нашей полной изоляцией”⁷⁵. Таким образом, на Кэ д’Орсэ не испытывали особых иллюзий относительно позиции Германии, пусть даже она в определенной мере и соответствовала тактике французской стороны. Кроме того, для Тиссо было очевидно,

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, д. 73, л. 91.

⁷¹ Там же.

⁷² DDF, série 1, t.4, doc. 392.

⁷³ Ibid., doc. 407.

⁷⁴ Histoire de la diplomatie française: De 1815 à nos jours. Paris, 2005, p. 162.

⁷⁵ ADF, Angleterre, 1882, № 795, p. 389.

что палата депутатов ни при каких условиях не поддержит еще одну колониальную экспедицию в Северную Африку.

В итоге Англия была вынуждена действовать в одиночку. 11 июля 1882 г. британские войска под руководством адмирала Сеймура бомбардировали Александрию, используя как повод строительство фортификационных сооружений отрядами Араби. Далее последовала десантная операция, результатом которой стало полное занятие Александрии. Английская армия, продвигаясь вперед, 2 августа оккупировала район Суэцкого канала. 13 сентября произошло сражение при Телль-эль-Кебуре, где египетская армия потерпела сокрушительное поражение. Через два дня был взят Каир. Вскоре вся страна оказалась под контролем англичан.

Подобное развитие событий в некоторой степени соответствовало французским интересам. Франция всячески старалась не допустить турецкой интервенции в Египет: установление власти Порты над этой страной грозило бы серьезными сложностями французским предприятиям, и в особенности Компании Суэцкого канала. Однако больше всего Франция боялась подъема панисламистского движения в Северной Африке. Ее посол в Лондоне отмечал, что “Франция обладает мусульманской империей в Африке и находится не в лучших отношениях с магометанским населением, зависящим от нее”⁷⁶. Стремясь лишить Турцию возможности проникнуть в Египет, Франция прежде всего заботилась о безопасности своей колониальной империи, и этот принцип определил ее политику по египетскому вопросу в 1882 г.

Объективной возможности осуществить интервенцию самостоятельно у Франции не было, тем более что общественное мнение страны настороженно воспринимало колониальную политику. “Хронический страх перед Германией и Бисмарком” был еще силен⁷⁷. Помешать реализации турецких планов можно было лишь с помощью англичан. Уступить им Египет казалось куда более безопасным решением, нежели позволить Абдул-Хамиду разжечь панисламистские настроения по всей Северной Африке. Англия, считали французы, разумеется, не будет препятствовать нормальному функционированию Суэцкого канала или вытеснять французские предприятия из страны, а кроме того, в одиночку она не справится с решением финансовых проблем Египта и тогда ей придется обратиться за помощью в Париж. Для французского общественного мнения отказ от египетской экспедиции был обоснован в первую очередь желанием сконцентрировать силы страны в Европе, где “отношения сложились так, что Франции необходимо было быть очень осторожной в вопросах, касающихся расходования сил на дальние экспедиции”⁷⁸.

По наблюдению русского посла в Париже, французы “были довольны, что не оказались замешаны в решении египетского вопроса с экономической точки зрения”⁷⁹. Показательна также реакция на вторжение англичан в Египет со стороны французского общества. Оно встретило эту новость одобрительно, и “подобные настроения на тот момент были сильнее, нежели традиционное соперничество двух западных держав в стране фараонов”⁸⁰, – писали русские дипломаты Н.А. Орлов и П.А. Капнист. По их мнению, для Франции “египетский вопрос, в данном случае, был вторичным”, по сравнению с необходимостью поддержания безопасности имеющейся колониальной империи⁸¹. Эти свидетельства еще раз подтверждают, что степень французской неприязни к англичанам в связи с событиями 1882 г. существенно преувеличена.

Конечно, Франция не собиралась совсем уходить из Египта: слишком серьезны были там интересы французского капитала. Важным рычагом давления в руках французов стала Касса египетского долга. Сохраняя доминирующее положение в Кассе и

⁷⁶ Ibid., № 796, p. 28.

⁷⁷ Renouvin P. Histoire des relations internationales, v. 3. Paris, 1994, p. 21.

⁷⁸ ADF, Angleterre, 1882, № 796, p. 28.

⁷⁹ АВПРИ, Канцелярия МИД, оп. 470, д. 72, л. 328.

⁸⁰ Там же, л. 152.

⁸¹ Там же, л. 121.

являясь наиболее крупным держателем египетского долга, Франция имела возможность воздействовать на финансовую политику британской администрации в Египте. Можно сказать, что дальнейшая история англо-французского соперничества в Египте вплоть до Фашодского кризиса 1898 г. – это история финансового противостояния Кассы и британской администрации во главе с лордом Кромером, которая не могла осуществлять реформы без согласия и помощи со стороны Кассы.

Как только угроза турецкой интервенции в Египет была устранена, Франция начала укреплять свои позиции, но, желая ослабить английское доминирование, она ограничивалась по большей части экономическим давлением.

В первые годы после оккупации англичане не слишком успешно справлялись с задачей восстановления порядка в стране. Вплоть до середины 1880-х годов Египет находился в тяжелейшем финансовом кризисе. Стремясь к компромиссу с Францией и другими державами, принимавшими участие в работе Кассы египетского долга, англичане в 1884 г. предложили провести в Лондоне конференцию с целью коллективно урегулировать финансовые проблемы Египта. Однако она не принесла положительных результатов, так как державам не удалось достичь каких-либо определенных договоренностей. На следующий год У. Гладстон, премьер-министр Великобритании, предпринял еще одну попытку договориться с Францией по поводу египетских финансов. В этот раз англичане готовы были идти на более существенные уступки, и Лондонская конвенция 1885 г. составлялась с учетом некоторых французских требований⁸². Согласно ее условиям, подтверждался и закреплялся международный контроль над египетскими финансами, который по-прежнему должна была осуществлять Касса египетского долга. Текущий долг не должен был превышать 1 млн. ф. ст. Весь доход страны, за вычетом выплаты долга и расходов администрации, делился между Кассой и египетским правительством. В целом Франция была довольна принятым решением, так как оно еще раз закрепляло за Кассой финансовый контроль над Египтом.

Шагом навстречу интернационализации египетского вопроса, т.е. привлечению наиболее влиятельных европейских держав, стало включение в Кассу Германии и России, что полностью соответствовало французским интересам. Интернационализация сделалась излюбленной тактикой Парижа в египетском вопросе⁸³. Франция пыталась призвать заинтересованные державы к скорейшему решению проблемы Египта с целью создать мощную оппозицию британскому господству на Ниле.

Несмотря на то, что Франция больше всего опасалась восстановления власти Порты, она иногда блокировалась с Турцией против Англии. В октябре 1883 г. французский посол писал из Константинополя: “Султан осведомлен о том, что англичане предпринимают попытки полностью поставить под свой контроль эту страну (Египет. – А.А.) и определенно создать там свой протекторат. Он хотел бы договориться с французским правительством о политике, которой нужно следовать в этом вопросе”⁸⁴. Очевидно, что Франция не собиралась отвергать помощь Турции в частных вопросах урегулирования египетской проблемы. Так, обе державы выступали совместно во время переговоров об эвакуации британских отрядов⁸⁵. В то же время неизменность французских позиций в отношении Порты продемонстрировала реакция Парижа на известие о поражении англо-египетских войск в Судане. В депешах французскому послу в Лондоне глава Кэ д’Орсэ с тревогой отмечал, что слабость англичан может привести лишь к подъему исламистских настроений, росту престижа Турции и “моральному поражению” Запада⁸⁶. Беспокойство выражали и публицисты, хорошо представлявшие себе ситуацию в регионе. Один из них, Лемуан, писал о том, что теперь варварство

⁸² DDF, série 1, t. 5, doc. 507.

⁸³ Saul S. Op. cit., p. 571.

⁸⁴ DDF, série 1, t.5, doc. 118.

⁸⁵ Ministère des Affaires Etrangères. Documents diplomatiques. Affaire d’Egypte. 1884–1893. Paris, 1893, doc. 39.

⁸⁶ Цит. по: Saul S. Op.cit., p. 575.

угрожает всему христианскому миру⁸⁷. Таким образом, несмотря на ситуационное сотрудничество с турками, Франция придерживалась своей позиции, определявшей ее действия в 1882 г.

Похожим образом развивалось и франко-германское сотрудничество при решении африканских проблем. Ни для кого не являлось секретом, что Бисмарк не испытывает симпатии ни к французам, ни к англичанам, и единственная его цель состоит в том, чтобы окончательно испортить отношения между двумя державами. Тем не менее, как и в случае с Турцией, Франция иногда выступала совместно с Германией. Одним из наиболее ярких эпизодов стала Берлинская конференция 1884 г., где им удалось решить вопрос Конго в пользу Бельгии, поддерживаемой Францией, в противовес Португалии, интересы которой лоббировала Великобритания. Однако и в данном случае блокирование держав имело свои границы. И уже в 1885 г. французский посол писал из Берлина, что германский канцлер ведет по отношению к Франции “двойную игру”⁸⁸.

Пожалуй, лишь сотрудничество с Россией давало ощутимые результаты. В конце 1880-х годов Франция и Россия постепенно начали сближаться, что объяснялось изменениями, происходившими в тот период на международной арене. В 1887 г. Италия, Австро-Венгрия и Англия заключили так называемую Средиземноморскую Антанту, имевшую цель сохранить статус-кво в Средиземном, Адриатическом, Эгейском и Черном морях. С одной стороны, Австро-Венгрия желала придать договоренностям антирусский характер. С другой стороны, итальянцы, являвшиеся французскими конкурентами в Средиземноморье, стремились сотрудничать с Англией. Разумеется, эти соглашения противоречили интересам Франции и России. Созданию Средиземноморской Антанты покровительствовала Германия, которая делала явные шаги в сторону сближения с Британией. Кроме того, именно в этот период стало очевидным постепенное отдаление России от Германии. Таким образом, уже на указанном этапе наметились перспективы русско-французского союза, который будет заключен в 1891–1893 гг.

Новые тенденции на континенте проявились и в египетском вопросе. Так, совместно с российской дипломатией Франции удалось сорвать подписание в 1887 г. Конвенции Друммонд-Вольфа, названной так по фамилии английского дипломата Г. Друммонд-Вольфа, предложившего саму идею соглашения. В соответствии с ней Великобритания и Турция устанавливали срок в три года для вывода британских войск из Египта, однако при условии, что англичане оставят за собой право повторной оккупации в случае угрозы Суэцкому каналу⁸⁹. Конвенция также предусматривала сохранение определенного количества британских отрядов для “поддержания порядка” в египетской армии. В письме Вольфу британский премьер-министр Солсбери писал: “Поясните в самой конвенции или при помощи дополнительного документа, что мы не уйдем, пока другие державы не согласятся на условия, обязывающие их не вторгаться в Египет, и дадут нам на это право при определенных условиях”⁹⁰. Подобный договор не отвечал интересам Франции. Наибольший протест вызвал пункт о возможности повторной оккупации, позволявший Британии вернуться в любой момент, воспользовавшись малейшим поводом. Порта подписала договор с Англией, однако он так и не был ратифицирован. Франция пригрозила Турции оккупацией Сирии, а Россия в случае принятия султаном условий конвенции должна была оккупировать Армению⁹¹. Узнав об этом, султан предпочел отказаться от договора с Британией.

Важным событием в истории египетского вопроса стало принятие Конвенции относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу, которую 29 октября 1888 г. подписали Россия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания,

⁸⁷ Le Journal des Débats, 7.II.1884.

⁸⁸ DDF, série 1, t. 5, doc. 475.

⁸⁹ Affaire d’Egypte, doc. 61.

⁹⁰ DDF, série 1, t. 5, doc. 178.

⁹¹ The Cambridge History of Egypt, v.3. Cambridge, 1998, p. 155.

Италия, Нидерланды, Испания и Турция. В статье 1-й говорилось: “Морской Суэцкий Канал как в военное, так и в мирное время всегда будет свободен и открыт для всех коммерческих и военных судов, без различия флага. Ввиду сего Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются ни в чем не нарушать свободного пользования каналом как в военное, так и в мирное время. К каналу никогда не будет применено право блокады”⁹². Помимо того, в договоре отмечалось, что ни одна из сторон “не будет домогаться ни территориальных или коммерческих преимуществ, ни привилегий в международных соглашениях, кои могут состояться относительно Канала. При всем том, права Турции, как территориальной державы, остаются неприкосновенными”⁹³.

Решение Великобритании подписать конвенцию отразило тенденцию на сглаживание противоречий с державами и, в особенности, с Францией, проявившуюся еще при заключении Лондонской конвенции 1885 г. Политика англичан обуславливалась их стремлением привлечь другие европейские державы к решению финансовых проблем Египта.

Между тем в самой Британии продолжались споры об оккупации. Некоторые представители британского истеблишмента считали, что английские войска должны быть немедленно выведены из Египта, в частности, эту точку зрения часто высказывал Гладстон. Согласно подсчетам Дж.В. Фолка, одного из представителей египетской делегации на Версальской конференции, за 1880-е годы британское руководство 15 раз выступало с официальными заявлениями о скором выводе оккупационных войск⁹⁴.

О том, что в 1880-е годы Франция была решительно не настроена на противостояние с англичанами в Египте, свидетельствует невысокий интерес французского общества к этой проблеме. В то время как Форин оффис активно использовал влияние прессы на общество, чтобы завоевать его доверие к проводимой политике, французская пресса не слишком усердно освещала “этот новый аспект восточного вопроса”⁹⁵. В частности, по мнению французского посла в Лондоне, большее внимание газет к египетской проблеме смогло бы “повлиять на мнение в стране и изменить несправедливые и ложные оценки, которые до сих пор даются нашей политике в Тунисе”. Египетский вопрос в 1880-е годы занимал общественное мнение Франции намного меньше, чем, например, ее экспансия в Юго-Восточной Азии или на Мадагаскаре. Две эти проблемы лежали в основе так называемого колониального подъема, который имел место во Франции в середине 1880-х годов⁹⁶. Он был связан с именем министра иностранных дел Ж. Ферри, сумевшего пробудить у французов “вкус” к экспансии⁹⁷. Однако колониальный поворот практически не повлиял на позицию Франции по египетскому вопросу.

Британская оккупация усилила англо-французскую конкуренцию в Египте, но желание Парижа оградить Египет от поползновений со стороны Порты, пусть и ценой сохранения в стране британской администрации, все еще было сильно. Как отмечает историк С. Саул, “отказ от любого признания сюзеренитета Порты в Африке являлся константой французской политики со времен оккупации Алжира и в особенности Туниса”⁹⁸. Фактор, который оказался решающим для французов в 1882 г., продолжал серьезно влиять на позицию Третьей республики и после британской оккупации.

В этой связи подчеркнем: вплоть до конца 1880-х годов у Франции сохранялась надежда, что Великобритания выполнит свои обещания и в скором времени выведет

⁹² Международные отношения и внешняя политика: 1871 – 1957 (сборник документов). М., 1957, с 19.

⁹³ Там же, с. 22.

⁹⁴ *Folk J. La Question d’Egypte*. Paris, 1919, p. 7–11.

⁹⁵ ADF, Angleterre, 1882, № 794, p. 39.

⁹⁶ 1885: le tournant colonial de la République. Introduction de Gilles Manceron. Paris, 2007.

⁹⁷ *Gaillard J.-M. Jules Ferry*. Paris, 1989, p. 532. Об этом также см.: *Буйко А.Л.* Франция: колониальная политика и парламент. 1880-е годы. – Новая и новейшая история, 2008, № 3.

⁹⁸ *Saul S. Op. cit.*, p. 575.

войска из Египта. Кроме всего прочего, коммерческие интересы Франции в Египте совершенно не пострадали вследствие оккупации. Египет, по выражению “Журнал деба”, продолжал восприниматься во Франции как “колония капиталов”⁹⁹. Посол России граф Орлов, рассуждая о позиции Франции по египетскому вопросу после 1882 г., писал, что “французское правительство хотело воспользоваться победой англичан, со своей стороны не истратив ни одного патрона”¹⁰⁰. Третья республика, конечно, продолжала играть важную роль в экономике Египта, однако именно на британскую администрацию была возложена тяжелая задача по реформированию страны.

Впрочем, даже если бы Франция пожелала серьезно пошатнуть британское доминирование в Египте, она столкнулась бы с теми же самыми препятствиями, которые удержали ее от военной интервенции в 1882 г. Во второй половине 1880-х годов Франция все еще чувствовала себя недостаточно уверено, чтобы осуществлять эффективную колониальную политику. Напряженность в отношениях с Германией не исчезла: в 1880-е годы она была сильна во французском обществе, как никогда, свидетельством чего стала очередная “военная тревога” 1887 г.¹⁰¹ Парижу следовало действовать с оглядкой на необходимость поддержания безопасности своей восточной границы в Европе.

Серьезные изменения в позиции Франции наметились в начале 1890-х годов. Во многом они были связаны с заключением военно-политического союза между Францией и Россией в 1891–1893 гг.¹⁰² Вызванный постепенным сближением Англии с Тройственным союзом, а также ухудшением русско-германских отношений так называемый Двойственный союз играл важную роль как на континенте, так и на периферии. Британские историки Р. Робинсон и Дж. Галлахер писали, что франко-русский союз создавал серьезную опасность для английской внешней политики, так как “поддержка русских помогала французам угрожать Англии на Ниле; а французская поддержка давала возможность русским грозить Британии в Проливах”¹⁰³. Некоторые исследователи видели корни союза на Востоке¹⁰⁴. Как отмечал А.З. Манфред, договоренность “о согласованной и солидарной политике двух держав на Востоке” представляла важный аспект франко-русского соглашения¹⁰⁵. В частности, оно предусматривало осуществление единой линии в делах Турции, Болгарии, Египта и др. Подписание договора существенно усиливало позиции Франции на международной арене, позволяло перейти к активной колониальной политике и стать одним из участников борьбы за Верхний Нил.

В 1890 г. в отставку ушел канцлер Германии Бисмарк, и это тоже способствовало активизации Франции на международной арене, так как французская дипломатия испытывала страх не столько перед Германией, сколько перед фигурой самого Бисмарка, чья политика всегда была направлена против Франции. Изменились настроения и внутри страны. Большим влиянием в парламенте пользовалась “колониальная группа” депутатов, пропагандировавших экспансионизм и создание обширной колониальной империи¹⁰⁶. С 1893 по 1898 г. правительство снарядило целую серию африканских эк-

⁹⁹ Le Journal des débats, 23.VI.1884.

¹⁰⁰ АВПРИ, Канцелярия МИД, оп. 470, д. 72, л. 272.

¹⁰¹ В начале 1887 г. Бисмарк выступил в рейхстаге с антифранцузской речью, что еще больше усилило реваншистские настроения в самой Франции. В европейских дипломатических кругах стали говорить о неизбежности новой франко-германской войны. Однако неожиданно для Бисмарка Россия отказалась поддержать немецкие планы по развязыванию конфликта. Таким образом, угроза войны была предотвращена.

¹⁰² DDF, série 1, t. 8, doc. 514, 515 (текст русско-французского консультивного пакта, подписанного в 1891 г.); Международные отношения и внешняя политика: 1871–1957. М., 1957, с. 25 (франко-русская военная конвенция 1893 г.).

¹⁰³ *Robinson R., Gallagher J.* Op. cit., p. 347.

¹⁰⁴ *Michon G.* L'alliance franco-russe 1891–1917. Paris, 1928, p. 15, 16, 21.

¹⁰⁵ *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975, с. 338.

¹⁰⁶ Подробнее о колониальной партии: *Girardet R.* Op. cit.; *Andrew C. M., Kanya-Forstner A.S.*

спедиций на Верхний Нил, что стало прямым следствием политики министерства колоний, центральные посты в котором занимали представители колониальных кругов.

Ощутимое обострение в англо-французских отношениях произошло в 1893 г. в связи с министерским кризисом в Египте¹⁰⁷. Непосредственным результатом кризиса стало увеличение британского военного контингента. Это вызвало протесты из Парижа, где с уверенностью стали говорить о том, что Британия “не собирается исполнять свои обещания по эвакуации”¹⁰⁸. Постепенное нарастание напряженности в отношениях двух держав вылилось в итоге в Фашодский кризис 1898 г.¹⁰⁹

События конца XIX в. показывают, что египетский вопрос занимал существенное место в североафриканской политике Франции. Однако ее сдержанная позиция в 1880-е годы была обоснована рядом важных факторов, а именно – необходимостью обеспечения безопасности своей колониальной империи, боязнью распространения панисламистских идей, а также соображениями континентальной безопасности. Установление британского доминирования в Египте в 1880-е годы в некоторой степени соответствовало французским интересам. В фазу ожесточенного соперничества англо-французские отношения вошли уже в 1890-е годы, когда у французской дипломатии появились могущественный союзник в Европе в лице России и поддержка общественного мнения.

The French “Colonial Party”. – *The Historical Journal*, v. 14, № 1, march 1971, p. 99–128; *Grupp P. Parti colonial français und deutsche Kolonialbewegung. – Machtstrukturen im Staat in Deutschland und Frankreich*. Stuttgart, 2007, S. 148–163.

¹⁰⁷ Суть кризиса заключалась в том, что хедив без предварительной консультации с генеральным консулом снял четырех лояльных по отношению к британцам министров и назначил на их место политиков, которые ранее выступали против реформ главнокомандующего британской армии в Египте Кромера. Самовольный поступок хедива вызвал серьезное беспокойство в Лондоне.

¹⁰⁸ *Affaire d’Egypte*, doc. 446.

¹⁰⁹ *Brown R. Fashoda Reconsidered: The Impact of Domestic Politics on French Policy in Africa (1893 – 1898)*. London, 1969, p. 1; *Michel M. Fachoda: Guerre sur le Nil*. Paris, 2010, p. 187.